
Ольга Купава
Под венцом Мораны

Ольга Купава

Под венцом Мораны

«Автор»
2026

Купава О.

Под венцом Мораны / О. Купава — «Автор», 2026

В день свадьбы Лады разыгралась метель, а её жених Велеслав бесследно исчез. В доме осталась погасшая свеча, на снегу обнаружились босые следы, а старая знахарка Голубица прошептала:«Не замуж тебя отдавали, девонька. Тебя обещали».Чтобы найти жениха и узнать правду, Лада обращается к Радомиру — мрачному мужчине, которого её семья считает врагом. Он знает больше, чем готов рассказать, и чем ближе Лада подбирается к разгадке, тем сильнее её тянет к тому, кому нельзя доверять.За старыми обрядами, забытыми преданиями и венцом Мораны скрывается тайна, связывающая два рода кровью и древней клятвой.Но что, если судьбу Лады решили задолго до её рождения? И сможет ли она разорвать цепь чужих обещаний, не потеряв любовь?Зимой даже мёртвые тайны оставляют следы. А сердце не всегда покоряется судьбе.

© Купава О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 5
Первая метель 5
Глава вторая 13
Чужой взгляд 13
Глава третья 23
Ночь без жениха 23
Глава четвёртая 32
Дом на опушке 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Под венцом Мораны

Глава первая

Первая метель

Ворона ударила клювом в оконное стекло трижды.

Лада проснулась и сразу поняла: день будет недобрым.

За стеной тихо потрескивали поленья в печи, в сенях кто-то шаркал валенками, а ветер гудел в трубе, словно невидимый гость пытался пробраться в дом. За маленьким окном стояла такая темень, что нельзя было различить даже ближнюю изгородь. Лишь снег, кружась в воздухе, иногда прилипал к стеклу белыми клочьями и тут же исчезал.

Ворона снова ударила клювом.

Лада приподнялась на локте.

— Кыш, проклятая!

Птица не улетела. Она сидела на подоконнике, нахохлившись, и смотрела прямо на Ладу блестящим чёрным глазом. На снегу за её лапами лежала тонкая красная нитка.

Лада нахмурилась.

Красная нить была завязана узелком.

Она знала эту примету с детства. Если перед свадьбой находили красную нить, следовало ждать чужого вмешательства в судьбу молодых. Одни говорили, что так поступают завистницы, другие — что нить оставляют те, кто хочет привязать человека к себе навеки. Старая Голубица рассказывала иначе: красную нить кладут на порог тому, кого уже назвали по имени в мире мёртвых.

Лада никогда не верила последнему.

Почти никогда.

Она откинула одеяло, накинула на плечи овчинный полушубок и подошла к окну. Ворона взмахнула крыльями, но не улетела, а пересела на тонкую ветку рябины, склонившуюся под снегом.

Лада распахнула створку.

В лицо ударил мороз. Ветер ворвался в комнату, погасил свечу на столе и разметал по полу несколько сухих листьев, оставшихся от вчерашнего венка.

Красная нить исчезла.

На подоконнике лежал только снег.

Лада оглянулась на дверь. Ей показалось, что за ней кто-то стоит, прислушиваясь к каждому её движению. Но в сенях было тихо.

— Накликала, — пробормотала она, закрывая окно. — Вот и накликала.

Слова прозвучали слишком громко.

Сегодня она выходила замуж.

Эта мысль должна была согревать её, как печь в зимнюю ночь, но вместо тепла внутри разливалась пустота. Лада знала Велеслава с детства. Он умел улыбаться так, что даже самые суровые старики забывали, зачем хмурились. Он никогда не повышал голоса при женщинах, щедро одаривал нищих на праздниках и не проходил мимо чужой беды.

Его отец владел большими землями к югу от реки, а в их амбарах зерна хранилось больше, чем в иных деревнях за год собирали. Брак с Велеславом должен был укрепить положение Ладиной семьи, прекратить давнюю вражду между соседями и обеспечить родителям спокойную старость.

Так говорили отец и мать.

Так говорили сваты.

Так говорили все, кроме самой Лады.

Её никто не спросил, хочет ли она замуж.

Впрочем, она и сама не знала, что ответить.

Велеслав нравился ей. Он был красив, обходителен, умел слушать и помнил даже те мелочи, которые другие забывали на следующий день. Когда они встречались на летних торгах, он приносил ей яблоки, припрятанные от отцовских приказчиков, и смеялся, когда она делала вид, что сердится.

Но иногда его взгляд становился странным.

Так случилось прошлой осенью, когда они гуляли у реки. Велеслав вдруг остановился, схватил Ладу за запястье и спросил, снилась ли ей когда-нибудь женщина в белом.

Лада тогда вырвала руку.

Она не любила рассказывать о своих снах.

С самого детства ей снилась одна и та же женщина: высокая, тонкая, с длинными волосами цвета ночи. Женщина стояла посреди заснеженного леса, а на голове у неё лежал серебряный венец. Лица Лада никогда не могла рассмотреть, но знала: незнакомка смотрит именно на неё.

Иногда женщина молчала.

Иногда протягивала руку.

А однажды сказала:

«Ты помнишь, кому обещана?»

Лада проснулась тогда с таким криком, что прибежала мать.

С тех пор она никому не рассказывала об этом сне.

Никому, кроме Голубицы.

Старая знахарка выслушала её, долго молчала, а потом велела трижды умыться холодной водой и неделю не смотреться в зеркало после заката.

Больше она ничего не объяснила.

А теперь, в день свадьбы, Ладе снова вспомнилась женщина в белом.

За окном завыл ветер.

— Лада!

Голос матери заставил её вздрогнуть.

— Ты ещё спишь? Солнце скоро встанет!

— Уже встаю!

— И не забудь надеть обережную рубаху. Я положила её на сундук. Красную нить с рукава не срезай, слышишь?

Лада посмотрела на свою ладонь.

Ей почудилось, что на коже остался след от узелка.

Она сжала пальцы в кулак.

— Слышу, матушка.

К тому времени, когда Лада вышла в большую горницу, дом уже гудел, словно улей перед грозой.

На печи кипел чугунок. В углу две соседки перебирали ленты и вышитые полотенца. Младшие девки носили воду, мать распоряжалась так громко, что её голос перекрывал даже треск дров. На длинном столе лежали караваи, чаши с мёдом и сушёные ягоды, припасённые ещё с осени.

От запаха хлеба и тёплого воска у Лады закружилась голова.

— Наконец-то! — Мать обернулась от сундука. — Иди сюда. Дай на тебя посмотреть.

Лада послушно подошла.

Мать поправила ей ворот рубахи, разгладила складку на плече и провела ладонью по косе.

— Какая красавица выросла, — тихо сказала она. — Будто вчера ещё по двору босая бегала.

В её голосе прозвучала такая нежность, что Лада едва не прижалась к ней, как в детстве. Но мать уже отвернулась к сундуку, доставая свадебный пояс.

— Велеславу повезло. У него будет добрая жена.

— А если я не хочу быть доброй женой?

Мать замерла.

В горнице стало тише. Даже соседки перестали перешёптываться.

— Что ты сказала?

Лада сама удивилась собственным словам. Она не собиралась произносить их вслух. Они просто вырвались, будто кто-то толкнул её изнутри.

— Ничего, матушка.

— Нет уж, скажи. — Мать медленно повернулась. — Что это за разговоры в день свадьбы?

— Я хочу знать, почему никто не спросил меня, согласна ли я.

Мать побледнела, потом резко положила пояс на сундук.

— Потому что иногда родители лучше знают, что нужно детям.

— А если вы ошибаетесь?

— Лада!

— Я не говорю, что не выйду за него. Я только…

Она осеклась.

Только что?

Только хотела, чтобы хоть кто-то спросил её по-настоящему? Чтобы кто-нибудь заметил, как холодеют пальцы при мысли о свадебном обряде? Чтобы мать не называла её будущую жизнь решённым делом?

Мать устало прикрыла глаза.

— Твой отец дал слово. Семьи договорились ещё три года назад. Велеслав — достойный человек. Он не станет обижать тебя.

— Я знаю.

— Тогда не ищи беды там, где её нет.

Мать произнесла это резко, но в конце голос её дрогнул.

Лада вдруг поняла: мать тоже боится.

Только не свадьбы.

Чего-то другого.

— Матушка, — тихо спросила она, — а ты когда-нибудь слышала о венце Мораны?

Рука матери замерла на вышитом поясе.

На мгновение в её глазах мелькнуло нечто похожее на ужас.

Потом она рассмеялась — слишком громко, слишком быстро.

— Где ты набралась этих глупостей? У старухи Голубицы, небось? Не слушай её сказок. От старости у неё ум стал острее языка.

— Так ты знаешь?

— Я знаю, что сегодня твоя свадьба. И не позволю испортить её россказнями о мертвецах.

Мать отвернулась и принялась поправлять полотенца.

Разговор был окончен.

Но Лада успела заметить, как сильно дрожали её пальцы.

Голубица появилась незадолго до полудня.

Она не постучала в дверь, как полагалось гостям, а вошла сама, опираясь на кривую берёзовую палку. На плечах у неё лежал старый серый платок, на котором белели снежинки. Ветер принёс её запах — дым, полынь и горькие травы.

В горнице сразу стихли голоса.

Старуху не любили приглашать на свадьбы. Она могла благословить ребёнка, вылечить лихорадку, снять испуг или подсказать, когда лучше сеять рожь. Но на праздниках Голубица редко говорила что-нибудь доброе.

— Зачем пришла? — спросил отец Лады, выходя из-за стола.

— Посмотреть на невесту.

— Невеста здорова.

— Я не о здоровье спрашивала.

Голубица прошла мимо него и остановилась перед Ладой.

Её глаза были светлыми, почти прозрачными, словно лёд на мелкой речке. Старуха взяла девушку за подбородок и повернула лицо к свету.

— Спала плохо?

Лада удивилась.

— Откуда вы знаете?

— По глазам вижу. И по тому, как ты держишь плечи. Будто ждёшь удара.

— Не пугай девку, — вмешалась мать.

Голубица даже не посмотрела на неё.

— Видела белую женщину?

Лада почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Да.

— Во сне?

— Да.

— А наяву?

Лада помедлила.

Ей вспомнилось отражение в маленьком зеркале, когда она умывалась перед рассветом. На миг за её плечом будто стояла высокая фигура в белом. Серебряный блеск лёг на волосы, и незнакомка подняла руку, словно собираясь коснуться её затылка.

Лада моргнула — и увидела только стену.

— Нет, — ответила она.

Голубица долго смотрела на неё.

— Не лги той, кто умеет слушать тишину.

— Я не лгу.

Старуха отпустила её подбородок.

— Тогда слушай меня, девонька. Сегодня не смотри в зеркало после заката. Не позволяй расплетать косу до третьего удара колокола. И если услышишь, что кто-то зовёт тебя из-за двери твоим детским именем, не отвечай.

Отец шагнул вперёд.

— Хватит! Ты пришла на свадьбу или беду накликать?

— Беда уже здесь. Я только назвала её по имени.

— Уходи из моего дома.

Голубица повернулась к двери, но на пороге остановилась.

— И ещё одно. Не выпускай девку из дому до полудня.

Отец нахмурился.

— Полдень уже миновал.

Старуха медленно обернулась.

В её взгляде было столько жалости, что Лада невольно отступила.

— Значит, опоздала я.

И вышла.

Никто не попытался её остановить.

Несколько мгновений все молчали. Затем мать хлопнула в ладони и велела подать невесте свадебное платье. Соседки вновь зашептались, кто-то засмеялся, в печи треснуло полено.

Дом вернулся к прежней суете.

Только Лада не могла избавиться от ощущения, что вместе с Голубицей за порог вышло последнее предупреждение.

К вечеру метель усилилась.

Снег валил стеной, скрывая дорогу к реке и дальние крыши. Мужчины то и дело выходили во двор, проверяли ворота и возвращались, стряхивая снег с плеч. Женщины зажигали новые свечи, хотя до темноты оставалось ещё немного времени.

Лада сидела у окна, пока мать вплетала в её косу красные ленты.

Свадебное платье было белым, с красной вышивкой по рукавам и подолу. На груди лежал серебряный оберег в форме маленького солнечного колеса — подарок покойной бабки. На голове покоился венок из сушёных цветов, рябиновых ягод и тонких веточек можжевельника.

Лада чувствовала себя нарядной куклой, которую приготовили для чужого праздника.

— Не вертись, — сказала мать, затягивая ленту. — И не смотри в окно. Говорят, если невеста перед свадьбой увидит ворона, замужняя жизнь будет в слезах.

— Сегодня я уже видела ворону.

Мать замерла.

— Когда?

— На рассвете.

— Почему ты сразу не сказала?

— А что бы изменилось?

Мать не ответила.

Она лишь перекрестила дочь по старой привычке, затем быстро коснулась пальцами её лба.

— Всё будет хорошо.

Лада хотела поверить.

Но за окном ветер выл так, словно лес знал правду и пытался докричаться до людей.

В дверь постучали.

Три раза.

Мать подняла голову.

— Кто там?

— Это я, — ответил отец. — Велеслав прислал весть. Они выехали, но из-за метели задержатся. Пусть невеста не волнуется.

Лада посмотрела на мать.

— Они уже должны быть здесь.

— Дорогу замело. Не выдумывай.

Отец вошёл, стряхивая снег с плеч. Его лицо казалось суровым, но Лада заметила, как он сжал край рукавицы.

— Что-нибудь случилось?

— Нет.

— Отец.

Он посмотрел на неё и вдруг отвёл глаза.

— Один из коней вернулся.

— Без всадника?

— Возница сказал, что Велеслав остановился у старого моста. Хотел проверить дорогу. Потом поднялся ветер, и они потеряли его из виду.

Лада почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— И вы оставили его там?

— Его люди ищут. Не смей паниковать раньше времени.

— Я не паникую.

Она встала. Венок задел край стола, и несколько сухих цветков упали на пол.

— Я пойду к мосту.

— Ты никуда не пойдёшь, — отрезал отец.

— Это мой жених!

— И именно поэтому ты останешься здесь.

— А если он ранен?

— Его ищут!

Отец повысил голос, и в горнице наступила тишина.

Лада посмотрела на него. Она видела страх на его лице, но он был не похож на страх за пропавшего человека. Отец боялся чего-то, что могло произойти, если Велеслав не вернётся.

— Что вы мне не договариваете? — спросила она.

Отец побледнел.

— Не время.

— Когда же будет время? После свадьбы? После того, как меня отдадут в чужой дом?

— Лада, довольно!

— Нет. Я хочу знать, что происходит.

Он схватил её за плечи.

— Послушай меня внимательно. Ты останешься в доме. Не откроешь дверь никому, кроме своих. Что бы ты ни услышала снаружи, не выйдешь. Поняла?

Лада смотрела на него, не узнавая.

Отец никогда не говорил с ней таким тоном.

— Почему?

Он отпустил её и медленно отступил.

— Потому что метель.

Но это была ложь.

Лада знала это так же ясно, как знала собственное имя.

Первый колокол ударил, когда совсем стемнело.

Гости уже собрались в большой горнице, но свадьбу не начинали. На столах остывали караваи, в чашах темнел мёд, а свечи горели неровно, вытягивая длинные тени по стенам.

Велеслав не вернулся.

Слуги принесли ещё дров. Мужчины уходили во двор с факелами и возвращались с пустыми руками. За дверями слышались обрывки разговоров: кто-то говорил о волках, кто-то — о заваленной дороге, кто-то поминал лесных духов.

Лада сидела на лавке, сжимая в пальцах серебряный оберег.

Второй удар колокола прозвучал глухо, будто доносился из-под земли.

Свеча на столе погасла.

Никто не прикоснулся к ней. Не было ни сквозняка, ни движения воздуха. Пламя просто дрогнуло, вытянулось тонкой синей иглой и исчезло.

Одна из соседок перекрестилась.

— Нехорошо.

— Зажги другую, — приказала мать.

Но прежде, чем кто-то успел двинуться, со двора донёсся крик.

Мужчины бросились к двери.

Лада вскочила следом.

— Стой! — крикнул отец.

Она не послушалась.

Во дворе метель заметала следы почти сразу. У ворот стояли трое мужчин, а между ними на снегу лежал венок из сухих цветов. Такой же, как свадебный, только цветы были почерневшими, а красные ягоды смяты, словно их раздавили каблуком.

Рядом тянулись босые следы.

Маленькие, узкие, женские.

Они шли от леса к дому и обрывались у самого порога.

Лада почувствовала, как холод проникает под кожу.

— Кто это нашёл? — спросила она.

Никто не ответил.

Она шагнула ближе, но отец схватил её за руку.

— В дом!

— Это следы человека!

— В дом, я сказал!

— Где Велеслав?

Отец не смотрел ей в глаза.

И тогда Лада поняла, что он не знает.

Или знает, но боится произнести вслух.

Она вырвала руку и опустилась на колени перед венком. Цветы были сухими, но под ними снег потемнел, словно кто-то пролил на него воду. Лада коснулась одной из веточек.

В ту же секунду ветер стих.

Совсем.

Метель застывшими хлопьями повисла в воздухе. Снег перестал бить в лицо, факелы больше не трепетали. Даже лошади в конюшне замолчали.

Из леса донёсся женский голос.

Тихий, протяжный, знакомый до боли.

— Лада-а-а…

Она замерла.

Так её называли только в детстве. Так звала её бабка, когда укладывала спать, и так шептала мать, если Лада заболевала.

Но этот голос не принадлежал ни одной из них.

— Лада-а-а…

Голос звучал из-за ворот.

Лада подняла голову.

Между деревьями стояла женщина в белом.

Её длинные волосы развевались, хотя ветра не было. На голове блестел серебряный венец, тонкий, как ледяная паутина. Лицо скрывала тень, но Лада чувствовала её взгляд.

Женщина подняла руку.

И указала прямо на неё.

— Ты помнишь, кому обещана?

Лада не могла пошевелиться.

Серебряный оберег на её груди внезапно обжёг кожу. Она вскрикнула и схватила его рукой. На ладони проступила красная полоса, будто её рассекли тонкой нитью.

Кто-то закричал.

Факел выпал из рук одного из мужчин, и пламя погасло в снегу.

Когда Лада снова посмотрела на лес, женщина исчезла.

Ветер ударил с такой силой, что все невольно отшатнулись. Метель закружилась над двором, засыпая босые следы и венок. Мужчины подняли факелы, но за воротами была только белая пустота.

Отец потащил Ладу в дом.

Она не сопротивлялась.

В горнице Голубица стояла возле печи, словно никуда и не уходила. Её светлые глаза остановились на Ладиной руке.

— Значит, пришла за тобой, — сказала старуха.

Мать закрыла рот ладонью.

— Кто?

Голубица не ответила. Она подошла к Ладе, взяла её обожжённую ладонь и осторожно разжала пальцы.

На коже лежал тонкий красный след.

Точно такой, какой оставляет затянутая нить.

— Где Велеслав? — прошептала Лада.

Голубица подняла на неё глаза.

— Этого я не знаю.

— Тогда что вы знаете?

Старуха долго молчала. За окном снова выл ветер. Где-то в глубине дома скрипнула дверь, хотя никто к ней не подходил.

Наконец Голубица произнесла:

— Не замуж тебя отдавали, девонька. Тебя обещали.

Лада посмотрела на отца.

Он стоял у стены, белый как полотно, и не пытался возразить.

— Кому? — спросила она.

Голубица коснулась красной полосы на её ладони.

— Той, что приходит за долгами, когда люди забывают свои клятвы.

— Моране?

Старуха вздрогнула.

И этого оказалось достаточно.

За окном третий раз ударил колокол.

Все свечи в доме погасли одновременно.

В темноте кто-то тихо прошептал Ладино детское имя.

А потом с улицы донёсся звук шагов.

Медленных.

Босых.

Они остановились прямо у двери.

Глава вторая

Чужой взгляд

Шаги за дверью стихли.

Никто не шелохнулся.

В горнице пахло остывшим воском, дымом и страхом. В темноте потрескивали угли, но их красного света не хватало, чтобы разглядеть лица. Лада слышала, как мать судорожно втягивает воздух, как отец переступает с ноги на ногу, как Голубица тихо перебирает что-то в своей сумке.

За дверью было тихо.

Потом раздался стук.

Один раз.

Лада почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Не открывай, — прошептала Голубица.

— Кто там? — спросил отец.

— Не смей! — Старуха схватила его за рукав. — Ты что, забыл, чему тебя учили?

Отец вырвал руку.

— За дверью может быть человек!

— А может быть то, что только притворяется человеком.

Второй стук прозвучал громче.

Мать прижала ладони к груди.

— Господи помилуй…

— Не поминай его сейчас, — резко сказала Голубица. — Не всякая сила отзывается на молитву. И не всякую беду можно отогнать крестным знамением.

— Что же нам делать? — спросила Лада.

Старуха повернулась к ней.

— Молчать.

Третий стук не последовал.

Вместо него за дверью послышался шорох, будто кто-то провёл ладонью по дереву. Затем раздался тихий женский смех.

Лада узнала его.

Не потому, что слышала прежде, а потому, что именно такой смех ей снился. Тонкий, далёкий, похожий на звон льдинок в ручье.

Она шагнула к двери.

Голубица заслонила ей путь.

— Ты хочешь увидеть, кто там?

— Да.

— А если увидишь то, что не сможешь забыть?

— Я уже видела.

Старуха пристально посмотрела на неё. В её глазах впервые мелькнуло не осуждение, а уважение.

— Значит, ты всё-таки похожа на бабку.

— На какую бабку?

Но Голубица не успела ответить.

За дверью раздался мужской голос:

— Открывайте! Ради всех святых, открывайте!

Отец сорвался с места и отодвинул засов.

На пороге стоял один из людей Велеслава, молодой возница по имени Тихон. Его шапка съехала набок, лицо было исцарапано ветками, а плечи покрывал снег. Он тяжело дышал, словно бежал от самой реки.

— Нашли? — спросил отец.

Тихон покачал головой.

— Нет, хозяин.

— Где ты был?

— У моста. Потом вдоль берега. Мы разделились, но ничего не нашли. Ни Велеслава, ни его коня.

— А следы?

Возница облизнул пересохшие губы.

— Были. Сначала конские, потом человеческие. Они шли к лесу.

— И что дальше?

Тихон посмотрел на Ладу.

— Дальше следы стали босыми.

В горнице кто-то всхлипнул.

— Это невозможно, — прошептал отец.

— Я сам видел.

— Ты был пьян?

— Я не пил с самого утра!

— Тогда ты ослеп от страха!

Отец схватил возницу за ворот, но тут же отпустил, словно прикоснулся к раскалённому железу.

Лада смотрела на Тихона и замечала, как тот избегает её взгляда.

— Ты что-то знаешь, — сказала она.

— Нет, госпожа.

— Не называй меня госпожой. Я ещё не жена Велеслава.

Тихон сглотнул.

— Он велел передать вам одну вещь.

— Что?

Возница полез за пазуху и вынул небольшой предмет, завёрнутый в кусок холста.

Лада развернула ткань.

На её ладони лежал серебряный перстень Велеслава. На внутренней стороне ободка были выгравированы две переплетённые ветви. Она знала этот знак: его изображали на печатях семьи жениха, вышивали на праздничных полотенцах и вырезали над воротами их усадьбы.

Но на серебре темнело пятно.

Лада потёрла его пальцем.

Пятно не исчезло.

— Где ты это нашёл?

— На снегу у старого моста.

— Ты видел Велеслава?

Тихон медленно покачал головой.

— Нет.

— Тогда кто передал тебе перстень?

Возница молчал.

Лада подняла на него глаза.

— Тихон, посмотри на меня.

Он подчинился.

— Я слышал его голос, — выговорил он наконец. — За рекой. Он звал меня по имени. Я пошёл на звук, но там никого не было. Только перстень на снегу.

— Что он сказал?

Тихон побледнел.

— Велел не искать его до рассвета.

— Почему?

— Не знаю.

— Ты слышал что-нибудь ещё?

Возница помедлил.

— Он назвал ваше имя.

Лада сжала перстень.

— И что сказал?

Тихон опустил голову.

— Сказал: «Не отдавайте её».

Мать вскрикнула.

Отец отступил к стене.

А Голубица закрыла глаза, словно услышала подтверждение давнему страху.

Лада посмотрела на каждого из них.

— Кому меня нельзя отдавать?

Никто не ответил.

И тогда она поняла: молчание в этом доме было старше её самой.

До рассвета никто не спал.

Мужчины отправились искать Велеслава, взяв с собой собак, верёвки и факелы. Отец распорядился запереть ворота и не пускать в дом незнакомцев. Мать сидела возле печи, сжимая в руках край платка. Она больше не пыталась убеждать Ладу, что всё будет хорошо.

Голубица устроилась на лавке у окна и перебирала сухие травы.

— Вы ведь знаете, что происходит, — сказала Лада, подсаживаясь к ней.

— Знать — не значит понимать.

— Не уходите от ответа.

Старуха подняла голову.

— У тебя характер отцовский. А вот глаза…

— Какие глаза?

— Бабкины. Такие же были у неё, когда она решила пойти против воли своего рода.

— Что с ней случилось?

Голубица медленно завязала узелок на холщовом мешочке.

— Она полюбила не того человека.

Лада нахмурилась.

— Разве такое бывает?

— Чаще, чем ты думаешь. Только не всякая любовь становится бедой. Беда начинается, когда за любовь платят чужой кровью.

— А венец Мораны? Он связан с моей бабкой?

Старуха посмотрела на дверь, за которой в сенях поскрипывали доски.

— Ты слишком много спрашиваешь для одной ночи.

— А вы слишком мало отвечаете.

Уголки губ Голубицы дрогнули.

— Вот теперь я верю, что ты её внучка.

Она достала из сумки маленький мешочек, перевязанный красной нитью, и положила на ладонь Лады.

— Что это?

— Полынь, можжевельник и немного зверобоя. Носи при себе. Если почувствуешь запах ледяной воды там, где её быть не должно, не иди на этот запах.

— Почему?

— Потому что не всякая дорога ведёт туда, куда кажется.

Лада убрала мешочек за пояс.

— Вы говорите загадками.

— А ты хочешь услышать правду?

— Да.

Голубица долго смотрела на неё.

— Тогда запомни: не доверяй тому, кто первым назовёт тебя своей судьбой. Судьба не просит разрешения. Люди — просят.

Лада хотела спросить, что это значит, но старуха уже поднялась.

— И ещё, девонька. Если встретишь Радомира, не говори ему о перстне.

— Кто такой Радомир?

Голубица остановилась.

В её лице что-то изменилось. Словно имя, произнесённое вслух, разбудило в ней старую боль.

— Тот, кого тебе следовало встретить раньше.

— Где его найти?

— На опушке, за Чёрным ручьём. В доме с резным вороном над дверью.

— Почему он должен мне помочь?

— Не должна ты ждать от него помощи.

— Тогда зачем мне к нему идти?

Голубица повернулась к Ладе.

— Потому что он знает, почему твой отец так боится этой ночи.

Утро пришло серое и безрадостное.

Метель немного утихла, но снег лежал глубокими сугробами, а дорога к реке исчезла под белым настом. Мужчины вернулись без Велеслава. Ни коня, ни тела, ни следов, по которым можно было бы понять, куда он ушёл.

На снегу у старого моста нашли только обрывок красной ленты.

Такую же Лада носила в волосах.

Когда отец сообщил об этом, она не заплакала. Не закричала. Лишь сняла с головы венок и положила его на стол.

— Я пойду к Радомиру.

Отец, сидевший у печи, поднял голову.

— Нет.

— Вы даже не знаете, что я собираюсь спросить.

— Знаю достаточно.

— Тогда скажите мне, почему вы боитесь его имени.

Отец встал.

— Радомир — человек опасный. Его семья принесла нашему роду достаточно горя.

— А что именно произошло?

— Это не твоё дело.

— Моё дело — мой пропавший жених. Моя жизнь. И то, что вы все скрываете от меня с самого детства.

Отец ударил ладонью по столу.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь!

— Так объясните!

Он открыл рот, но не произнёс ни слова.

Лада увидела, как его взгляд скользнул к серебряному оберегу на её груди. Тому самому, который обжёг её ночью.

— Ты не должна приближаться к этому человеку, — произнёс отец уже тише. — Обещай мне.

— Я не стану обещать то, чего не понимаю.

Она направилась к двери.

— Лада!

Она обернулась.

Отец стоял посреди горницы, постаревший за одну ночь на несколько лет.

— Если ты пойдёшь к Радомиру, назад ты вернёшься уже другой.

Лада посмотрела на него.

— Может быть, я уже другая.

И вышла.

Дорогу к Чёрному ручью она знала с детства.

Летом там росли высокие травы, в воде отражались берёзы, а на берегу можно было найти гладкие камешки с белыми прожилками. Старики говорили, что ручей никогда не замерзает до самого дна, потому что берёт начало из подземного источника.

Зимой он исчезал под снегом, но его можно было найти по ряду чёрных камней, выступавших из сугробов.

Лада шла быстро, придерживая полы тёплого плаща. На поясе висел маленький мешочек Голубицы, в руке она сжимала перстень Велеслава.

Она не знала, почему взяла его с собой.

Может быть, хотела увидеть лицо человека, который, по словам отца, принёс их семье горе.

Может быть, надеялась, что Радомир объяснит, почему Велеслав велел не отдавать её.

А может быть, ей просто надоело быть последней, кто узнаёт правду о собственной жизни.

Лес встретил её тишиной.

Снег лежал на еловых ветвях тяжёлыми белыми шапками. Под ногами поскрипывал наст. Вдали перекликались вороны, и каждый их крик казался слишком громким.

Вскоре Лада увидела дом.

Он стоял на небольшой поляне, в стороне от тропы. Сруб потемнел от времени, крыша была занесена снегом, а над дверью висела резная голова ворона с расправленными крыльями. У порога лежали дрова, аккуратно сложенные под навесом. Из трубы поднимался тонкий дым.

Значит, хозяин был дома.

Лада остановилась.

Она ожидала увидеть что-то зловещее: развешанные кости, странные знаки, чёрные свечи. Но дом выглядел обыкновенным, почти уютным. У стены стояла скамья, на которой лежали рукавицы, а возле крыльца темнела деревянная кадка с водой.

Только над дверью, под резным вороном, была выжжена одна-единственная метка.

Круг, пересечённый тремя линиями.

Лада не знала этого знака, но серебряный оберег на её груди вдруг стал холодным.

Она постучала.

Ответа не было.

Постучала ещё раз.

За дверью послышались шаги.

— Уходи, — произнёс мужской голос.

Низкий, спокойный, без тени удивления.

— Мне нужно поговорить с Радомиром.

— Его нет.

— Я слышу, что он дома.

— Значит, у тебя хороший слух. Теперь проверь, хватает ли тебе ума уйти.

Лада стиснула зубы.

— Я пришла не просить разрешения.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял мужчина.

Он был выше неё почти на голову, широкоплечий, одетый в тёмную рубаху и меховой жилет. Чёрные волосы падали на лоб, а щетина подчёркивала резкие линии лица. На левой руке, возле большого пальца, белел старый шрам.

Его глаза оказались темнее, чем Лада ожидала.

Он посмотрел на неё, потом на красные ленты в её волосах.

И побледнел.

Всего на мгновение, но она заметила.

— Кто тебя прислал? — спросил он.

— Никто.

— Не лги.

— Я не лгу.

— Тогда скажи, зачем пришла.

Лада подняла голову.

— Мой жених исчез в ночь свадьбы. На снегу нашли его перстень, а возле моего дома появились босые следы. Голубица сказала, что вы знаете тайну, которую скрывает мой отец.

Радомир молчал.

— Вы знаете, где Велеслав?

— Нет.

— Вы знаете, что означает венец Мораны?

Его лицо стало непроницаемым.

— Кто тебе рассказал об этом?

— Значит, знаете.

— Я спросил, кто рассказал.

— А я спросила, что происходит!

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Радомир отступил, освобождая проход.

— Заходи.

В доме пахло древесным дымом, сушёными травами и кожей. У стены стоял стол, на котором лежали нож, несколько свёртков ткани и раскрытая книга с пожелтевшими страницами. Над очагом висели связки полыни и можжевельника. В углу стояла деревянная фигурка птицы, вырезанная так искусно, что казалось, будто она вот-вот взмахнёт крыльями.

Лада сняла плащ.

Радомир закрыл дверь и задвинул засов.

— Покажи перстень.

Она насторожилась.

— Откуда вы знаете, что он у меня?

— Потому что Велеслав не расставался с ним даже во время сна. Если перстень оказался у тебя, значит, кто-то хотел, чтобы ты его получила.

— Или он сам хотел, чтобы я его получила.

Радомир посмотрел на неё с неожиданным одобрением.

— Умная мысль.

Лада положила перстень на стол.

Он не прикоснулся к нему.

— Что означает пятно?

— Не знаю.

— Вы врёте.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми, от которых хочешь получить помощь?

— Только с теми, кто считает, что может решать за меня, что мне следует знать.

Радомир медленно поднял глаза.

— Тогда тебе придётся нелегко.

— Почему?

— Потому что правда редко приходит одна. Обычно она приводит с собой беду.

— Она уже пришла.

Он посмотрел на перстень, и Лада заметила, как напряглась его рука.

— Ты видела женщину в белом? — спросил он.

У неё пересохло во рту.

— Откуда вы знаете?

— Ответь.

— Да.

— Где?

— У ворот. Она стояла в лесу.

Радомир отвернулся.

— Что она сказала?

— Спросила, помню ли я, кому обещана.

Он закрыл глаза.

Лада впервые увидела в нём не сурового отшельника, а человека, который услышал приговор.

— Вы знаете, кому меня обещали? — спросила она.

Радомир не ответил.

— Моему отцу? Вашей семье? Велеславу?

— Ни одному из них.

— Тогда кому?

Он повернулся к ней.

— Лада, послушай меня. Если хочешь найти Велеслава, тебе придётся перестать верить всему, что тебе говорили о собственной семье.

— А вам?

— Что мне?

— Мне придётся перестать верить вам?

На его лице появилось что-то похожее на горькую улыбку.

— В первую очередь.

Она не ожидала такого ответа.

Радомир взял перстень двумя пальцами и поднёс к свету. Тёмное пятно на серебре казалось почти чёрным. Он провёл по нему ногтем, и на поверхности проступили тонкие линии — те самые переплетённые ветви, но теперь они напоминали две руки, связанные одним узлом.

— Это не кровь, — тихо произнёс он.

— А что?

— Знак обета.

— Какого обета?

Радомир вернул перстень на стол.

— Того, который твой отец надеялся похоронить вместе с прошлым.

Лада почувствовала, как холодеют пальцы.

— Вы говорите так, будто мой отец участвовал в чём-то страшном.

— Он участвовал в том, что считал правильным.

— А вы?

Радомир посмотрел на неё.

— Я родился слишком поздно, чтобы остановить это. И слишком рано, чтобы забыть.

Она не понимала его слов, но чувствовала: за ними скрывается нечто большее, чем старая вражда двух семей.

— Расскажите мне всё.

— Не могу.

— Не хотите?

— Не могу, — повторил он. — Есть вещи, которые нельзя произносить, пока не найден тот, кто нарушил клятву.

— А если этот человек — Велеслав?

Радомир резко поднял голову.

— Почему ты так решила?

— Он исчез. Оставил перстень. Передал через возницу, чтобы меня не отдавали. Может быть, он знает, что происходит.

Радомир задумался.

— Велеслав умнее, чем кажется.

— Вы его знаете?

— Я знаю его отца. И знаю, на что способен его род, когда дело касается власти.

— Значит, вы всё-таки враги.

— Наши семьи давно решили, что мы должны ненавидеть друг друга.

— А вы?

Радомир посмотрел на неё так, словно вопрос был опаснее всех остальных.

— Я не ненавижу тебя, Лада.

Слова прозвучали просто. Без обещания, без ласки, без попытки понравиться.

И всё же она почему-то не смогла сразу отвести взгляд.

За окном хрустнула ветка.

Радомир мгновенно обернулся. Он подошёл к окну, отодвинул занавеску и долго всматривался в лес.

— Что там? — спросила Лада.

— Ничего.

— Вы опять врёте.

— А ты слишком быстро учишься.

Он отошёл от окна, взял со стены короткий нож и положил его на стол рядом с перстнем.

— До темноты тебе нужно вернуться домой.

— Я не уйду без ответов.

— Тогда останешься здесь до утра.

Лада вскинула подбородок.

— Это угроза?

— Предупреждение. Если ты выйдешь в лес после заката, дорога может привести тебя не туда, куда ты собиралась.

— Вы верите в такие сказки?

Радомир посмотрел на серебряный оберег на её груди.

— Ты сама принесла их ко мне.

Он подошёл ближе и осторожно коснулся пальцами края оберега. Не кожи — только холодного металла.

Лада невольно задержала дыхание.

От его руки пахло дымом и морозом. Она заметила шрам у основания большого пальца, тонкий, неровный, будто когда-то кожу рассекли острым крючком.

— Кто вас ранил? — спросила она.

Радомир убрал руку.

— Неважно.

— Для меня важно.

Он посмотрел ей в глаза.

— Не делай так.

— Как?

— Не смотри на меня так, будто собираешься найти во мне что-то хорошее.

Лада растерялась.

— А если найду?

На мгновение его суровое лицо смягчилось. В глазах мелькнуло что-то тёплое, почти беззащитное.

Но он тут же отвернулся.

— Тогда тебе будет труднее уйти.

Снаружи снова завыл ветер.

Лада подошла к окну. За стеклом кружился снег, а между деревьями темнела узкая тропа, ведущая к деревне. Она вдруг поняла, что боится возвращаться домой почти так же сильно, как боится остаться здесь.

— Радомир, — произнесла она. — Почему вы сказали, что мне следовало встретить вас раньше?

Он замер.

— Кто тебе это сказал?

— Голубица.

Радомир медленно выдохнул.

— Конечно.

— Так почему?

Он долго молчал. Потом подошёл к столу, взял перстень и сжал в ладони.

— Потому что, когда ты была маленькой, я дал обещание никогда не приближаться к тебе.

Лада почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Почему?

Радомир посмотрел на неё, и в его глазах была такая усталость, будто он нёс этот ответ много лет.

— Потому что я знал, что однажды ты придёшь ко мне. И если это случится, значит, обет начал исполняться.

В этот миг снаружи раздался крик ворона.

Радомир резко повернулся к двери.

На пороге, под резной деревянной птицей, лежала красная нить.

Она была завязана тремя узлами.

Лада узнала её сразу.

Ту самую нить, которую видела на подоконнике утром.

Радомир побледнел.

— Не трогай, — приказал он.

Но нить уже начала медленно ползти по снегу к порогу, словно её тянула невидимая рука.

А затем из-за двери раздался голос Велеслава:

— Лада… открой.

Она бросилась к засову.

Радомир перехватил её руку.

— Это не он.

— Вы не знаете!

— Знаю.

За дверью снова прозвучал голос жениха. Такой знакомый, тёплый, почти родной.

— Лада, пожалуйста. Мне холодно.

Она посмотрела на Радомира.

— Если это не Велеслав, кто тогда?

Он не ответил.

Потому что голос за дверью заговорил снова.

На этот раз он произнёс слова, которых Велеслав никогда не мог знать:

— Ты помнишь, кому обещана?

Радомир оттолкнул Ладу от двери и поднял нож.

— Отойди от порога.

А потом, впервые с тех пор, как она вошла в его дом, он назвал её не по имени, а так, как называли только в её детстве:

— Ладушка, не слушай.

Глава третья

Ночь без жениха

— Ладушка, не слушай.

Радомир произнёс это так тихо, что слова едва перекрыли завывание ветра. Но Лада услышала. И замерла.

Так её называла бабка.

Не мать, не отец, не подруги детства. Только бабка, которая умерла, когда Ладе исполнилось девять лет. Она говорила это имя, когда укрывала внучку одеялом, расчёсывала ей волосы или пела старую песню о солнце, которое каждый год умирает, чтобы однажды вернуться.

Откуда Радомир мог его знать?

За дверью кто-то вздохнул.

— Лада, милая, — снова позвал Велеслав. — Открой. Я замёрз.

Девушка вырвала руку из ладони Радомира.

— Это он.

— Нет.

— Вы слышите его голос!

— Слышу.

— Тогда почему не верите?

Радомир встал между ней и дверью. Нож в его руке тускло блеснул в свете очага.

— Потому что Велеслав никогда не назвал бы тебя так.

— Он мог услышать это от кого-то.

— Мог. Но он не стал бы просить тебя открыть дверь, не назвавшись по имени трижды.

Лада нахмурилась.

— Что за глупость?

— Не глупость. Правило.

За дверью раздался тихий смешок.

— Какое правило, Радомир? — спросил голос Велеслава. — Ты всё ещё рассказываешь ей сказки? Всё ещё прячешься за старухами и древними запретами?

Радомир побледнел.

Лада заметила, как крепче сжались его пальцы на рукояти ножа.

— Не отвечай ему, — сказал он.

— А если это действительно Велеслав?

— Тогда он знает, как войти.

За дверью наступила тишина.

Затем послышался скрежет, будто кто-то провёл ногтями по дереву. Раз, другой, третий.

— Ты обещал, — прошептал голос. — Ты обещал, что не позволишь ей узнать.

Радомир медленно опустил нож.

Лада посмотрела на него.

— Что он имеет в виду?

— Ничего.

— Хватит!

Она шагнула вперёд, но Радомир снова преградил ей путь.

— Ты не понимаешь, с чем имеешь дело.

— Тогда объясните!

— Не сейчас.

— Когда? Когда исчезнет ещё кто-нибудь? Когда за дверью начнут говорить голосом моего отца? Или когда я сама перестану понимать, кто я?

Последние слова сорвались с её губ неожиданно громко.

За дверью всё стихло.

Даже ветер словно замер.

Радомир смотрел на неё, и в его взгляде впервые не было ни раздражения, ни суровости. Только усталость и что-то похожее на вину.

— Твой отец должен был рассказать тебе правду много лет назад, — сказал он.

— Какую правду?

— Ту, которую он поклялся не открывать.

— Кому?

Радомир не ответил.

Вместо этого он подошёл к очагу, снял с полки небольшую глиняную чашу и бросил в угли щепоть сушёной полыни. Горький запах заполнил комнату.

За дверью раздался шорох.

— Лада, — позвал голос Велеслава. Теперь он звучал устало, почти жалобно. — Неужели ты оставишь меня здесь?

Девушка закрыла глаза.

Она помнила Велеслава на летних торгах, когда он подарил ей красное яблоко и спросил, почему она никогда не улыбается незнакомцам. Помнила его руки, осторожно державшие её ладонь во время первого танца. Помнила, как он однажды признался, что боится воды, хотя вырос возле реки.

Она не могла просто отвернуться.

— Если ты действительно Велеслав, — прошептала она, — скажи, что ты подарил мне на ярмарке в прошлом году.

За дверью ничего не ответили.

Лада открыла глаза.

— Велеслав подарил мне деревянную птицу. Сам вырезал её, хотя у него были порезаны пальцы. Он сказал, что птица сможет найти дорогу домой, даже если её унесёт ветер.

Тишина.

— Он ещё сказал, что я смеюсь только тогда, когда забываю, что должна быть серьёзной.

Голос за дверью не отозвался.

Лада почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Это не он, — произнесла она.

Радомир молча кивнул.

Снаружи кто-то тяжело ударил в дверь.

Дерево затрещало.

— ОТКРОЙ!

Теперь голос был другим. Низким, хриплым, с таким количеством чужих интонаций, что Лада не смогла бы сказать, кому он принадлежал. В нём слышались и Велеслав, и отец, и сама Голубица.

А потом — её собственный голос.

— Открой, Лада. Я знаю, что ты хочешь домой.

Девушка отступила.

Радомир быстро схватил с лавки старое полотенце и набросил его на окно. Затем подошёл к двери и провёл ножом по косяку, начертив на дереве короткую черту.

— Что вы делаете?

— Закрываю путь.

— Кому?

— Тому, кто не умеет просить по-человечески.

Он произнёс несколько слов на старом языке. Лада не разобрала ни одного, но в самом звучании было что-то тяжёлое, будто каждое слово вытаскивали из глубокой земли.

За дверью раздался крик.

На этот раз не человеческий.

Что-то ударило в крыльцо, и дом содрогнулся. С потолка посыпалась пыль. В очаге взметнулось пламя, осветив стены красным светом.

Лада прижала ладонь к груди.

Серебряный оберег горел холодом.

На миг ей показалось, что она слышит звон колоколов под землёй, а затем — далёкое женское пение. Слова были незнакомыми, но она почему-то понимала их смысл.

Не твоё сердце я зову.

Не твою душу я жду.

Только обещанное возвращаю.

Лада зажала уши.

— Перестаньте!

Пение оборвалось.

Радомир резко обернулся к ней.

— Ты слышала?

— Да.

— Что именно?

Она повторила слова.

Лицо Радомира стало каменным.

— Значит, началось.

— Что началось?

Он посмотрел на дверь.

— То, чего мы боялись.

Когда за окном посветлело, голос исчез.

Не было ни крика, ни шагов, ни стука. Только ветер продолжал гнать снег по поляне. Радомир не позволил Ладе приблизиться к двери, пока солнце не поднялось над лесом, хотя за тучами его самого нельзя было увидеть.

Лишь тогда он отодвинул засов.

На крыльце никого не оказалось.

Снег лежал нетронутым.

Ни следов, ни царапин на двери, ни красной нити. Только у порога темнело небольшое пятно, похожее на след от растаявшего льда.

Лада вышла на крыльцо.

— Здесь кто-то стоял.

— Возможно.

— И ушёл без следов?

— Не всё оставляет следы на снегу.

Она обернулась.

— Вы всегда так отвечаете?

— Как?

— Будто каждое слово должно заставить человека бояться ещё сильнее.

Радомир убрал нож за пояс.

— Я не хочу, чтобы ты боялась. Я хочу, чтобы ты оставалась живой.

Эти слова прозвучали настолько просто, что Лада не нашлась с ответом.

Она посмотрела на лес. В дневном свете он казался обычным: заснеженные ели, тонкие берёзы, тёмные стволы сосен. Но теперь девушка знала, что за этой привычной красотой скрывается нечто, способное звать её чужими голосами.

— Я должна вернуться домой, — сказала она.

— Должна.

— Вы не станете меня удерживать?

— Нет.

— Даже если считаете, что мне грозит опасность?

— Особенно тогда.

Лада нахмурилась.

— Вы странный человек, Радомир.

— Мне говорили.

— И неприятный.

— Это тоже.

Она едва не улыбнулась, но вспомнила Велеслава и снова посерьёзнела.

— Я всё ещё хочу найти жениха.

— Я помогу.

Лада не ожидала этих слов.

— Почему?

Радомир долго смотрел на неё.

— Потому что если Велеслав жив, он может знать, кто начал исполнять обет. А если он мёртв…

Он замолчал.

— Что тогда?

— Тогда мы должны найти его раньше, чем найдут другие.

— Кто другие?

Радомир посмотрел на лес.

— Те, кому ты была обещана.

Они вышли с поляны вместе.

Лада шла первой, но теперь не пыталась скрывать, что прислушивается к каждому шороху. Радомир держался чуть позади. Он не предлагал ей руку и не пытался вести за собой, однако каждый раз, когда тропа становилась скользкой, оказывался рядом.

У Чёрного ручья Лада остановилась.

Между камнями действительно текла вода. Тёмная, почти чёрная, она пробивалась из-под льда и исчезала под снегом. Над ручьём висел лёгкий туман.

— Почему его называют Чёрным? — спросила она.

— Потому что однажды вода здесь стала чёрной от крови.

— Чьей?

— Людей, которые решили, что могут обмануть смерть.

Лада посмотрела на него.

— Это история о Моране?

— Это история о людях. Морана лишь получила то, что они ей оставили.

— Вы верите, что она существует?

Радомир не ответил сразу.

— Я верю, что люди способны создать такую беду, что потом столетиями будут называть её проклятием.

Лада задумалась.

В этом ответе было больше смысла, чем во всех загадках Голубицы. И всё же он не объяснял главного.

— Вы говорили, что мой отец дал клятву.

— Да.

— И ваша семья тоже?

— Да.

— Какую?

Радомир остановился.

— Я не могу рассказать тебе всё здесь.

— Почему?

— Потому что ручей слушает.

Лада посмотрела на воду.

— Это ещё одна сказка?

— Возможно.

— А если я не верю в сказки?

— Тогда не верь. Просто не произноси здесь имён тех, кого любишь.

— Почему?

Радомир посмотрел на неё.

— Потому что иногда имя — единственная нить, за которую можно потянуть, чтобы привести человека к тебе. Или увести от тебя навсегда.

Лада невольно вспомнила голос Велеслава за дверью.

Она больше не считала это сказкой.

На другом берегу ручья что-то блеснуло.

Лада присела и разгребла снег. Под ним лежала небольшая деревянная птица с обломанным крылом.

Такая же, как та, которую Велеслав подарил ей прошлой зимой.

Она подняла игрушку.

— Это его.

Радомир подошёл ближе.

— Ты уверена?

— Да. Я узнала бы её среди тысячи. Он вырезал на крыле маленькое солнце. Видите?

На дереве действительно был вырезан круг с лучами.

Но рядом с ним кто-то нацарапал другой знак: три линии, сходящиеся в одной точке.

Радомир побледнел.

— Откуда это у него?

— Не знаю. Он подарил мне птицу ещё до помолвки.

— Ты хранила её?

Лада кивнула.

— Дома. На полке возле окна.

— Тогда как она оказалась здесь?

Она посмотрела на сломанное крыло.

— Значит, он был здесь.

— Или кто-то хотел, чтобы ты так думала.

Радомир осторожно забрал у неё игрушку и перевернул. На спине птицы виднелась тонкая трещина. Внутри что-то зашуршало.

Он поддел дерево ножом.

Из пустоты выпал маленький свёрток, обёрнутый промасленной тканью.

Лада развернула его.

Внутри лежал клочок бумаги с несколькими словами, написанными знакомым почерком.

Если я исчезну, не верь тому, кто скажет, что я ушёл добровольно.

Подписи не было.

Она перечитала записку ещё раз.

— Это написал Велеслав.

— Похоже на его почерк?

— Я видела его письма. Это его рука.

Радомир смотрел на бумагу так, словно она могла обжечь.

— Когда ты получила эту птицу?

— Прошлой зимой.

— А записка могла быть внутри с самого начала?

— Не знаю.

Лада сжала бумагу.

— Он знал, что исчезнет?

— Возможно.

— И вы всё ещё считаете, что мне не следует искать его?

Радомир покачал головой.

— Я считаю, что теперь у нас нет выбора.

К полудню они добрались до деревни.

Лада надеялась, что отец уже вернулся с поисков, но дом встретил её закрытыми ставнями и запертыми воротами. На крыльце стояли две незнакомые лошади, а возле двери переминался с ноги на ногу человек в богатом меховом плаще.

Он был немолод, с аккуратно подстриженной бородой и тяжёлым золотым перстнем на правой руке. Лада узнала его сразу.

Отец Велеслава.

Староста соседнего поселения и хозяин земель за рекой.

Увидев Ладу, он шагнул навстречу.

— Наконец-то.

— Вы искали меня?

— Искал. Твой отец сказал, что ты ушла к этому человеку.

Он бросил неприязненный взгляд на Радомира.

— Значит, слухи не лгут.

— Какие слухи? — спросила Лада.

— Что ты с самого утра бегаешь по лесу, будто невесте больше нечем заняться.

— Мой жених пропал.

— Мы это знаем.

— Тогда почему вы не ищете его?

Мужчина поджал губы.

— Мои люди ищут. Но я пришёл не за этим.

Он протянул Ладе руку.

— Пойдём. Нам нужно поговорить.

Она не двинулась с места.

— О чём?

— О твоей свадьбе.

— Она не состоялась.

— Пока не состоялась.

— Велеслав исчез.

— И мы найдём его.

— Тогда зачем вы пришли?

Мужчина посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Потому что есть вещи, которые должны остаться между нашими семьями.

Радомир шагнул вперёд.

— Не смей.

Отец Велеслава повернулся к нему.

— Тебя не спрашивали.

— А я не собираюсь ждать, пока вы снова решите всё за неё.

Лада переводила взгляд с одного мужчины на другого.

— Что вы оба знаете?

Никто не ответил.

Тогда она достала из-за пояса перстень Велеслава и подняла его так, чтобы оба могли увидеть.

Лицо старшего мужчины изменилось.

Он отступил на шаг.

— Где ты его взяла?

— Его нашли у моста.

— Кто нашёл?

— Это важно?

— Очень.

— Почему?

Мужчина протянул руку, но Лада спрятала перстень в ладони.

— Не трогайте.

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло нечто, чего она раньше никогда не замечала.

Страх.

— Ты не понимаешь, что держишь.

— Тогда объясните.

— Отдай его мне.

— Нет.

— Лада, — произнёс он почти ласково, — послушай старшего. Есть вещи, с которыми нельзя играть.

— Я не играю. Я ищу правду.

— Правда может погубить тебя.

— Значит, пусть. Но я хочу узнать её сама.

На этот раз мужчина не стал спорить.

Он медленно опустил руку и посмотрел на Радомира.

— Ты уже рассказал ей?

— Нет, — ответил тот.

— И не рассказывай.

— Теперь не тебе решать.

Отец Велеслава сжал губы.

— Ты не знаешь, что обещал твой отец.

Радомир побледнел.

— Зато я знаю, что обещал мой.

Мужчины замолчали.

Лада почувствовала, что стоит посреди давней вражды, корни которой уходят глубже, чем она могла представить.

— Хватит говорить загадками! — воскликнула она. — Я хочу знать, что происходит!

Отец Велеслава повернулся к ней.

— Сегодня вечером ты останешься дома. Не выйдешь за ворота и не станешь разговаривать с этим человеком.

— Вы мне не отец.

— Нет. Но я дал слово твоей семье.

— Какое слово?

Он посмотрел на неё, и в его взгляде снова мелькнул страх.

— Что до наступления весны ты будешь принадлежать своему жениху.

Лада перестала дышать.

— Что вы сказали?

— Ты слышала.

— Я не вещь, которую можно кому-то отдать!

— Ты не понимаешь…

— Тогда объясните!

Но мужчина уже направлялся к своей лошади.

Перед тем как сесть в седло, он обернулся.

— Если до следующего полнолуния Велеслав не вернётся, всё начнётся сначала.

Он уехал, оставив за собой глубокие следы в снегу.

Лада стояла неподвижно.

Радомир молчал.

— Что начнётся сначала? — спросила она наконец.

Он долго не отвечал.

Потом сказал:

— То, что наши семьи пытались остановить много лет назад.

Лада повернулась к нему.

— И что это?

Радомир посмотрел на серое зимнее небо.

— Выбор невесты для Мораны.

В ту ночь Лада не стала надевать свадебное платье снова.

Она сняла венок, расплела косу и убрала красные ленты в сундук. Потом достала из-под подушки маленькую деревянную птицу, которую хранила с детства.

Ту самую, что Велеслав подарил ей прошлой зимой.

Крыло было целым.

На спине не было ни трещины, ни тайного знака.

Лада долго держала игрушку в руках, пытаясь понять, как одна и та же вещь могла оказаться сразу в двух местах.

Затем она открыла окно.

За деревней, у самой кромки леса, мерцал одинокий огонёк.

Лада знала, что там нет ни домов, ни дорог. Только старые курганы, заросшие кустарником, и заброшенное капище, куда даже летом редко ходили взрослые.

Огонёк мигнул.

Рядом с ним возникла высокая фигура в белом.

Женщина стояла неподвижно, и серебряный венец на её голове светился в темноте.

Лада не стала звать её.

Не стала задавать вопросов.

Она просто смотрела.

И тогда женщина подняла руку, указывая на Ладино окно.

В другой руке она держала красную нить.

Нить была натянута, словно другой её конец находился прямо в комнате.

Лада опустила взгляд.

Красная полоска на её ладони снова начала кровоточить.

А из глубины леса донёсся голос Велеслава:

— Лада, не верь Радомиру.

Она захлопнула окно.

Но голос продолжал звучать у неё в голове.

И впервые Лада задумалась: что, если опасность скрывается не только за дверью?

Что, если один из тех, кто обещал ей помощь, уже давно знает, чем закончится эта история?

Глава четвёртая

Дом на опушке

Лада не сомкнула глаз до рассвета.

Стоило ей закрыть веки, как перед внутренним взором возникала женщина в белом. Серебряный венец, неподвижное лицо, красная нить, натянутая между лесом и её окном. А потом голос Велеслава, до боли знакомый и оттого особенно страшный:

Не верь Радомиру.

Лада ворочалась под тяжёлым одеялом, слушала, как мать ходит по горнице, как отец несколько раз выходит во двор и возвращается, громко отряхивая снег с сапог. Дом жил своей обычной жизнью, но в каждом звуке теперь чудилось предупреждение.

На рассвете она встала, оделась и заплела волосы в простую косу. Свадебные ленты остались в сундуке. Вместо праздничного платья Лада надела тёплую шерстяную рубаху, тёмную юбку и отцовский полушубок, который доходил ей почти до колен.

На столе лежал серебряный перстень Велеслава.

Она завернула его в кусок полотна и спрятала за пазуху.

Потом взяла со стены небольшой нож, положила в сумку хлеб, сушёные яблоки и мешочек с травами, который дала Голубица.

Оставалось только выйти из дома.

— Куда собралась?

Отец стоял в дверях горницы.

Лада не вздрогнула. За последние сутки она слишком устала бояться каждого шороха.

— К Радомиру.

— Я запретил тебе туда ходить.

— Помню.

— Тогда зачем собираешься ослушаться?

Она затянула ремень на сумке.

— Потому что вы ничего мне не объясняете.

Отец посмотрел на нож у неё на поясе.

— Ты думаешь, сможешь справиться с тем, что ждёт тебя в лесу?

— Не знаю. Но сидеть здесь и ждать, пока кто-нибудь решит мою судьбу, я больше не стану.

— Ты говоришь так, будто мы тебе враги.

Лада подняла глаза.

— А разве нет?

Он побледнел.

Она сразу пожалела о сказанном, но забирать слова назад не стала.

Отец медленно отошёл от двери.

— Твоя бабка тоже говорила, что сама разберётся со своей судьбой.

— Что с ней случилось?

Он отвернулся к окну.

— Она слишком поздно поняла, что некоторые обещания нельзя нарушать без последствий.

— Какие обещания?

— Иди, Лада.

Она замерла.

— Вы отпускаете меня?
— Я не могу тебя остановить. Никогда не мог, хотя всю жизнь пытался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.